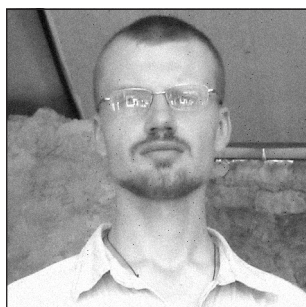

О РЕАЛЬНЫХ И МНИМЫХ НЕДОСТАТКАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАНИЯ КАК ИСТИННОГО И ОБОСНОВАННОГО МНЕНИЯ¹

Г.К. ОЛЬХОВИКОВ

В статье вновь рассматривается модификация классического определения знания как истинного и обоснованного мнения, предложенная автором в одной из его предыдущих публикаций с целью избежать появления так называемых контрпримеров Геттиера. Некоторые детали этой модификации подвергаются пересмотру и получают более точную формулировку. Кроме того, в статье содержится ответ на критику определения знания Л.Д. Ламберовым.

Ключевые слова: определение знания, истинное обоснованное мнение, проблема Геттиера.

Одним из наиболее известных критиков определения знания как истинного и обоснованного мнения в рамках аналитической философии является Э. Геттиер. Его критика указанного определения сводится к тому, что это определение допускает неопределенно большое количество контрпримеров, которые могут быть построены согласно некоторым довольно простым принципам. Эти контрпримеры и принцип их построения были рассмотрены в моей статье [1]², где

¹ Подготовлено при финансовой поддержке РФНФ, грант № 08-03-00239 а.

² Ольховиков Г.К. Знание как истинное и обоснованное мнение: как обезвредить контрпримеры // Логос. 2009. № 2.

было показано, что они могут быть элиминированы с помощью довольно простой модификации этого определения, не меняющей его основного смысла.

Хотя опубликованное в указанной статье решение проблемы Геттиера было в основных чертах корректным, печатная версия статьи содержала некоторые досадные неточности. Кроме того, последовавшие устные обсуждения моего решения проблемы Геттиера убедили меня, что некоторые связанные с этим решением вопросы, казавшиеся мне при написании [1] второстепенными, должны быть освещены более подробно. В то же время моя статья вызвала печатную реакцию в виде статьи Л.Д. Ламберова [2]³, в которой было высказано мнение о том, что моя модификация определения знания как истинного и обоснованного мнения имеет ряд серьезных недостатков.

В результате возникла необходимость разъяснить, какие недостатки определения знания, данного в [1], действительно имеют место, а какие являются плодом воображения моего критика. Этой задаче и посвящена настоящая статья.

Поскольку знание в [1] было определено как разновидность истинного и обоснованного мнения, его определение зависит от определения понятия обоснования. Это определение также вызывает, хотя и по разным причинам, некоторое недовольство как у меня, так и у моего критика. Поэтому первая часть настоящей статьи посвящена определению понятия обоснования, а вторая – собственно понятию знания.

1. Обоснование

В [1] было дано следующее определение обоснования:

«Пусть S – множество обосновывающих переходов. Последовательность суждений A_1, \dots, A_n является S -обоснованием суждения A_n , если и только если: (а) для каждого A_i , $1 \leq i \leq n$, верно хотя бы одно из утверждений: (а1) A_i – посылка; (а2) в последовательности A_1, \dots, A_{i-1} имеются суждения B_1, \dots, B_k , такие, что переход от B_1, \dots, B_k к A_i принадлежит S ; и (б) если последовательность A'_1, \dots, A'_m получена выбрасыванием некоторого числа суждений из последовательности A_1, \dots, A_n , то она не удовлетворяет (а)». В дальнейшем будем обозначать это определение через **О**.

Л.Д. Ламберов интерпретирует это определение следующим образом:

«В более узком и конкретном смысле понимание обоснования Г.К. Ольховиковым приближается (стремится?) к дедуктивному выводу. Но сразу же возникает вопрос, всегда ли обоснование должно (и может ли?) иметь дедуктивную форму? А также может ли у

³ См. статью Л.Д. Ламберова на с. 84 настоящего журнала.

О НЕДОСТАТКАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАНИЯ

посылок такого вывода отсутствовать дедуктивное обоснование (т.е. могут ли они не быть, согласно определению, знанием)? Удивительно предположить, что когнитивный агент может получить какое-то знание из того, что знанием не является. Необходимо, как представляется, требование, чтобы все промежуточные утверждения в обосновании также были знанием. Иначе что это за обоснование без знания? *Поэтому, как кажется, обоснование должно пониматься более широким способом. В конечном счете если обоснование понимается исключительно дедуктивно, то что вообще мы можем знать? Может ли читатель знать, что он в данный момент читает эту статью? Производит ли он для ответа на этот вопрос какие-то дедуктивные умозаключения? В повседневной ситуации человек (а ведь мы хотим определить человеческое знание!) не будет сам себе доказывать, что он в тот или иной момент читает какую бы то ни было статью. Но разве это означает, что он не обладает знанием? Необходимо также указать, что Г.К. Ольховиков, конечно, знает, что он никогда не был на Луне, но должен ли он обосновать это дедуктивно?»⁴*

Задача понимания осложняется в данном случае тем, что Л.Д. Ламберов не цитирует ни одного слова из моей статьи, которое бы подтверждало, например, его мнение, что обоснование мной «понимается исключительно дедуктивно». И что значит сама эта его фраза? Если она значит, что любое обоснование, признаваемое произвольно выбранным агентом, согласно **О**, будет дедуктивным выводом или что любой дедуктивный вывод будет считаться обоснованием с точки зрения любого агента, то неверно ни то, ни другое. Собственно, эта мысль уже была высказана со всей ясностью в критикуемой Л.Д. Ламберовым статье [1], например в следующих фразах: «структура обоснования во всем подобна структуре вывода из посылок в классической логике за одним, но весьма существенным исключением: *переходы от суждения к суждению в ходе обоснования не обязаны быть дедуктивными*», «для каждого человека будут существовать какие-то виды дедуктивных умозаключений, которые ему не удастся опознать в качестве дедуктивных и которые в силу этого могут быть не признаны им в качестве допустимых способов обоснования».

Кроме того, как можно заметить из **О**, обоснование всегда предполагает некоторое множество обосновывающих переходов, но ни в этом определении, ни в статье нигде не говорится, что эти переходы непременно должны быть дедуктивными, т.е. сохраняющими истинность посылок. Напротив, в рассматриваемых мной на с. 47 статьи [1] примерах обоснований имеются явно недедуктивные переходы. Таким образом, близость моего понятия обоснования к понятию дедуктивного вывода ограничивается чисто структурным подобием: и обоснование, и вывод представляют собой последовательность пере-

⁴ Здесь и в дальнейшем курсив мой. – Г.О.

ходов от одних суждений к другим. Такая последовательность переходов становится обоснованием, если эти переходы получают специфическое признание со стороны соответствующего когнитивного агента. Она является дедуктивным выводом, если истинностные значения посылок и заключений в этих переходах связаны между собой определенным образом. Поскольку признание со стороны агента не обязательно связано с объективными соотношениями истинностных значений суждений, то ясно, что, вообще говоря, не все обоснования суть дедуктивные выводы, и не все дедуктивные выводы суть обоснования с точки зрения произвольного когнитивного агента. Таким образом, «более широкое понимание обоснования», к которому призывает Л.Д. Ламберов, в полной мере присутствует уже в критикуемой им статье [1], а сама его критика, как выясняется, попросту ломится в открытую дверь.

В то же время, если, утверждая, что в [1] «обоснование понимается исключительно дедуктивно», Л.Д. Ламберов не подразумевает того, что обоснование в моей статье отождествляется с дедуктивным выводом, то ложными оказываются, например, следующие предпосылки его риторических вопросов: «Если Г.К. Ольховиков знает, что он никогда не был на Луне, то он может построить дедуктивный вывод соответствующего утверждения»; «Если читатель знает, что он читает данную статью, то он получил это знание дедуктивным способом». В этом случае вся выдвинутая Л.Д. Ламберовым критика определенного в [1] понятия обоснования вообще теряет какой бы то ни было смысл.

Перейдем теперь к реальным недостаткам **О**. Первый из них является результатом неудачной формулировки пункта (б) этого определения, из которого следует, что ни одна последовательность, включающая в себя более одного перехода от следствия к посылкам, не может быть обоснованием. Рассмотрим эту проблему на следующем примере:

1. <i>A</i> ;	4. <i>D</i> (из 2, 3);
2. <i>B</i> ;	5. <i>E</i> ;
3. <i>C</i> (из 1, 2);	6. <i>F</i> (из 4, 5).

С интуитивной точки зрения эта последовательность должна быть обоснованием для любого агента, готового признать все сделанные в ней переходы, а также признать *A*, *B* и *E* в качестве посылок. Однако с точки зрения **О** это не так. Рассмотрим следующую последовательность:

1. *A*;
2. *B*;
3. *C* (из 1, 2).

О НЕДОСТАТКАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАНИЯ

Эта последовательность получена отбрасыванием суждений из последовательности A, \dots, F и удовлетворяет пункту (а) определения **O**. Стало быть, по пункту (б) этого определения, A, \dots, F не может быть обоснованием.

Чтобы исправить указанный недостаток, необходимо отредактировать **O** следующим образом (получившееся определение обозначим через **O1**, изменения по отношению к **O** выделим полужирным шрифтом):

«Пусть S – множество обосновывающих переходов. Последовательность суждений A_1, \dots, A_n является S -обоснованием суждения A_n , если и только если: (а) для каждого $A_i, 1 \leq i \leq n$, верно хотя бы одно из утверждений: (a1) A_i – посылка; (a2) в последовательности A_1, \dots, A_{i-1} имеются суждения B_1, \dots, B_k , такие, что переход от B_1, \dots, B_k к A_i принадлежит S ; и (б) если последовательность A'_1, \dots, A'_m, A_n получена выбрасыванием некоторого числа суждений из последовательности A_1, \dots, A_n , то она не удовлетворяет (а)»⁵.

Второй недостаток состоит в том, что фраза из **O1** «последовательность A'_1, \dots, A'_m, A_n получена выбрасыванием некоторого числа суждений из последовательности A_1, \dots, A_n » нуждается в уточнении, в противном случае также могут возникнуть контрпримеры. Предположим, например, что мы намерены отбросить суждения A, B и C из обоснования A, \dots, F . Какой из следующих списков мы признаем в качестве законного результата нашей операции?

Вариант 1	Вариант 2
4. D (из 2, 3);	4. D ;
5. E ;	5. E ;
6. F (из 4, 5).	6. F (из 4, 5).

В первом варианте из списка удаляются только суждения A, B и C со своими номерами и комментариями, а во втором удаляются также ссылки на эти суждения в комментариях к суждениям D, E и F . Если в первом варианте получившийся список не удовлетворяет пункту (а) определения **O1**, то второй вариант не только удовлетворяет этому пункту, но и содержит суждение F , так что, согласно определению **O1**, последовательность A, \dots, F все еще не может быть обоснованием.

Мы могли бы устранить контрпримеры, подобные приведенному выше, с помощью более скрупулезного описания операций над обоснованиями. В этом случае наше определение обоснования могло бы разрастись до весьма значительных размеров. К счастью, в нашем распоряжении имеется более простой путь. Нетрудно заметить, что возникновение контрпримеров, связанных с отсечением «верхней» части обоснования, неизбежно ведет к добавлению в обоснование новых посылок

⁵ Необходимая правка совсем невелика, и у меня есть ощущение, что она уже сохранилась в одном из вариантов статьи [1]. К сожалению, в редакцию был отослан другой вариант статьи.

(в разобранный пример в посылку превратилось суждение D , которое в полном обосновании зависело от других суждений). Таким образом, простое запрещение на добавление новых посылок в результате отбрасывания из обоснования ряда суждений позволяет нам избежать возникновения таких контрпримеров, даже не определяя некое «каноническое представление» обоснований во всех деталях. Окончательная версия нашего определения обоснования в результате выглядит таким образом:

«Пусть S – множество обосновывающих переходов. Последовательность суждений A_1, \dots, A_n является S -обоснованием суждения A_n , если и только если: (а) для каждого A_i , $1 \leq i \leq n$, верно хотя бы одно из утверждений: (а1) A_i – посылка; (а2) в последовательности A_1, \dots, A_{i-1} имеются суждения B_1, \dots, B_k , такие, что переход от B_1, \dots, B_k к A_i принадлежит S ; и (б) если последовательность A'_1, \dots, A'_m, A_n получена выбрасыванием некоторого числа суждений из последовательности A_1, \dots, A_n , и **все посылки в A'_1, \dots, A'_m, A_n являются посылками в A_1, \dots, A_n** , то она не удовлетворяет (а)».

Добавление относительно **О1** выделено полужирным шрифтом.

Заканчивая разговор о понятии обоснования, отмечу еще одну важную черту этого понятия, которая не была в достаточной мере артикулирована в статье [1]. Эта черта можно обозначить как *дважды субъективный* характер этого понятия. Первое измерение субъективности, связанное с зависимостью от признания агентом тех, а не иных обосновывающих переходов, было достаточно освещено как выше, так и в [1]. Однако само понятие перехода является в некотором смысле пространственным понятием, и его наложение на временную последовательность психических явлений в мозгу агента требует определенных допущений. Поэтому там, где один интерпретатор увидит обоснование, другой может его не разглядеть. Ситуация не изменяется принципиально даже в том случае, когда носитель и интерпретатор обоснования совпадают в лице одного и того же агента, что, собственно, делает возможным явление рационализации.

Из двойной субъективизации понятия обоснования не следует, однако, что каждый интерпретатор руководствуется своей версией этого понятия. Ситуация здесь скорее аналогична упорядочению предметов в поле зрения с помощью тех или иных геометрических фигур: это упорядочение может быть различным для разных наблюдателей, даже если они во всем согласны в вопросах геометрии.

2. Знание

В статье [1] определение знания (обозначаемое в дальнейшем через **О2**) было сформулировано следующим образом:

«Пусть S есть множество обосновывающих переходов, признаваемых агентом a , и ни один элемент S не является S -избыточным. То-

О НЕДОСТАТКАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАНИЯ

гда a знает, что X , если и только если для некоторых суждений A_1, \dots, A_n : (1) последовательность A_1, \dots, A_n, X является S -обоснованием; (2) все суждения, входящие в это обоснование, истинны; (3) Если B_1, \dots, B_k – список посылок, входящих в обоснование из (1), то a верит в каждое из суждений B_1, \dots, B_k ».

Требование избыточности множества обосновывающих переходов означает здесь, что ни один такой переход не может быть заменен комбинацией других переходов. Причины, по которым эта оговорка стала необходимой, составляют значительную часть [1], и я не буду воспроизводить их здесь.

Очевидно, что добавления, сделанные мной к классическому определению знания, сводятся к ограничению на избыточные переходы и требованию истинности всех частей обоснования знания.

Это определение Л.Д. Ламберов критикует следующим образом:

1. «Предположим, некто Джек познакомился с молодой девушкой и назвался Эрнестом. Она не распознала его ложь. Более того, он произвел на девушку очень хорошее впечатление и она решила, что может полюбить только такого человека, которого зовут Эрнест, а если кого-то зовут не Эрнест, то того она полюбить не может. Тем не менее ни Джек, ни эта девушка даже не догадываются, что настоящее имя Джека как раз Эрнест. У обманутой девушки есть *истинное* и обоснованное убеждение, что молодого человека, которого она любила, зовут Эрнест. *Знает ли она, что того самого обманщика Джека на самом деле назвали Эрнестом?*.. Молодая девушка имеет истинное и обоснованное убеждение, что ее собеседника зовут Эрнест. Оно обоснованно потому, что этот молодой человек сам так назвался. Далее, это убеждение истинно потому, что так в действительности зовут этого молодого человека, пусть даже он сам этого не знает. Присутствуют ли ложные послышки в рассуждениях молодой девушки?»

2. «Молодой человек пригласил к себе девушку под предлогом помочь ей решить контрольную работу по логике. Девушка (позволим себе это) *знает*, что в комнату этого молодого человека никто не может войти, кроме них двоих. Настает условный час, и она открывает дверь. В комнате темно, но она ясно различает силуэт человека, сидящего за столом. Девушка заключает, что молодой человек находится в комнате. На самом же деле, молодой человек не сидит за столом, он спрятался под ним, а силуэт – это слегка наряженный скелет, который должен стать инструментом его грубой шутки. У девушки есть *истинное* и обоснованное убеждение, что молодой человек находится в комнате. *Но знает ли она это?*»

Очевидно, Л.Д. Ламберов верит, что сформулировал как минимум два контрпримера к **O2**. Рассмотрим, почему он не прав.

Вообще говоря, против любого определения возможны всего два вида контрпримеров. Можно либо (1) найти нечто, подпадающее под определяемое, но не под определяющее понятие, либо (2) найти не-

что, подпадающее под определяющее, но не под определяемое понятие. Определяемым понятием в нашем случае является знание, точнее, контекст « a знает, что X ». «Контрпримеры», которые попытался сформулировать Л.Д. Ламберов, не могут быть контрпримерами первого рода, потому что, как показывают его риторические вопросы, подчеркнутые выше, он как минимум не уверен в том, что у рассматриваемых им агентов имеется некое знание. Значит, он пытался найти контрпример второго рода, т.е. найти что-то, что удовлетворяет условиям **O2**, но знанием не является.

Анализ точной формулировки **O2** показывает, что любой такой контрпример должен указать такого агента a , такие множество обосновывающих переходов S и суждения A_1, \dots, A_n, X , что верны все следующие условия: (1) последовательность A_1, \dots, A_n, X является S -обоснованием; (2) все суждения, входящие в это обоснование, истинны; (3) если B_1, \dots, B_k – список посылок, входящих в обоснование из (1), то a верит в каждое из суждений B_1, \dots, B_k ; (4) a не знает, что X .

Посмотрим, сделал ли это Л.Д. Ламберов. Роль a в каждом из его описаний, очевидно, играет соответствующая девушка. Что является суждением X – уже менее ясно, так как мой критик нигде его не формулирует явным образом. Но можно предположить, что роль X в этих примерах выполняют суждения вроде «этого молодого человека зовут Эрнест» и «этот(?) молодой человек находится в комнате» соответственно. Что же касается множества обосновывающих переходов, признаваемых описываемыми Л.Д. Ламберовым девушками, или последовательности суждений A_1, \dots, A_n , которые могли бы строить эти девушки в процессе обоснования соответствующего X , то о них мой критик молчит, хотя и называет их мнения обоснованными. Следует ли это понимать так, что я сам должен догадаться о том, что происходит в головах этих вымышленных девушек? никоим образом; напротив, Л.Д. Ламберов прямо запрещает достраивать его ситуации до полного контрпримера к **O2**, когда пишет: «Следует отметить, что ложное утверждение можно искусственным образом “встроить” в обоснование, исключив таким образом любой (даже верный!) пример знания. К примеру, история о Джеке-Эрнесте не исключается требованиями Г.К. Ольховикова, но если добавить в обоснование рассуждений девушки какую-нибудь ложную посылку (например, «симпатичные молодые люди всегда говорят только правду»), то требования делают свою работу ad hoc. *Задним числом можно выдумывать такие дополнительные послылки (и ложные, и истинные) сколько угодно*».

Итак, Л.Д. Ламберов заранее критикует любые попытки добавления *новых* посылок в обоснования рассматриваемых им девушек как имеющие ad hoc характер. Но поскольку сам он не сформулировал *ни одной* такой посылки, то любая реконструкция их обоснований неизбежно будет включать такие *новые* послылки.

О НЕДОСТАТКАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАНИЯ

Таким образом, Л.Д. Ламберов не сформулировал ни одного контрпримера к приведенному в начале данного раздела определению. То, что он сформулировал, – это в лучшем случае «заготовки» для контрпримеров, сопровождаемые прямым запрещением достраивать эти заготовки до полных контрпримеров.

Попытаемся теперь понять, почему Л.Д. Ламберов так неодобрительно относится к любым возможным попыткам уточнения и дополнения заведомо неполных и смутных формулировок его «контрпримеров». Одной из причин может быть его осознание того, что любая такая попытка неизбежно раскроет их несостоятельность. Например, он пишет: «На второй мой контрпример Г.К. Ольховиков мог бы возразить, указав, что девушка выводит утверждение “Мой друг, который поможет решить контрольную по логике, находится в комнате” из утверждения “Мой друг, который поможет решить контрольную по логике, сидит за столом”, которое является ложным и поэтому не является знанием. А так как его определение 4 из статьи требует, чтобы все утверждения, входящие в обоснование, были истинны, то данный пример “легко” отбрасывается как нарушающий настоящее условие. *Тем не менее каков критерий отбора утверждений, участвующих в обосновании? Является ли таким утверждением именно “Мой друг, который поможет решить контрольную по логике, сидит за столом” или что-то другое?»*

Мы видим, что единственный вариант обоснования, которым могла бы руководствоваться девушка из второго контрпримера моего критика, предусматриваемый им, как раз ведет к отбрасыванию этого контрпримера. Других вариантов Л.Д. Ламберов предложить не может и пытается переложить эту проблему на своего читателя, атакуя его очередной порцией своих риторических вопросов. То, что эта попытка не слишком хорошо согласуется с его же инвективами против «дополнительных» посылок, его, судя по всему, не слишком волнует.

Несмотря на то что Л.Д. Ламберову так и не удалось сформулировать ни одного контрпримера к **О2**, отметим, что первая из его попыток сделать это основана на использовании следующей «архетипической» ситуации, которую в дальнейшем будем обозначать как **С**:

Агент a в разговоре с агентом b делает некое утверждение p , считая его ложным. Агент b , поверив этому утверждению, начинает считать p истинным. Однако a ошибался, считая p ложным; в действительности p истинно. В таком случае b прав, считая p истинным, однако кажется весьма вероятным, что b не знает, что p .

Если бы удалось так подобрать множество признаваемых b обосновывающих переходов, чтобы p стало обоснованным для b , то **С** могла бы дать искомый контрпример. Хотя Л.Д. Ламберову не удалось этого сделать, может быть, это возможно при более изобретательном подходе к делу? Эта мысль, вероятно, весьма естественно приходит в голову при анализе **О2**, поскольку большинство тех контрпримеров, с

которыми мне приходилось сталкиваться в устных дискуссиях, так или иначе отталкивались от **C** или чего-то подобного ей. Я, однако, считаю, что **C** не может быть основой для построения контрпримеров к **O2**; если такие контрпримеры и существуют, они не могут быть найдены путем анализа **C**.

Поскольку речь идет об аргументах в естественном языке, я, разумеется, не могу дать строгого доказательства своего последнего утверждения. Однако я могу привести в его поддержку следующее рассуждение. Как бы ни выглядело обоснование *b* своей уверенности в *p*, существуют лишь две возможности. Либо это обоснование содержит утверждение «*a* верит/считает, что *p*», либо нет. В первом случае обоснование *b* включает в себя ложное суждение и, следовательно, не удовлетворяет условиям **O2**. Таким образом, построение контрпримера оказывается невозможным. Во втором случае невозможно утверждать, что *b* поверил в *p* потому, что был введен в заблуждение агентом *a*: *b* пришел к выводу, что *p*, не на основании доверия к свидетельству *a*, а на основании других фактов, независимых от смысла этого свидетельства. Например, он мог иметь независимое экспертное заключение о том, что в действительности *p*. Тогда статус *p* в качестве знания *b* определяется статусом тех независимых от смысла утверждения *a* фактов и принципов, на основании которых *b* решил, что *p* истинно. Таким образом, вся ситуация может быть переформулирована без ссылок на ненамеренную ложь *a*, а значит, использование **C** для построения контрпримера не является существенным.

Таким образом, развитие **C** не является хорошей стратегией для получения контрпримеров к **O2**. В действительности ни одна стратегия не может привести к контрпримерам относительно **O2**, но это мое мнение не используется в качестве посылки в приведенном выше аргументе, так что он должен иметь некоторую ценность и для тех, кто не оставляет надежды опровергнуть **O2**, сэкономив им усилия, которые бы они в противном случае затратили на анализ **C**.